

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Слободчиков Виктор Иванович
Член-корреспондент РАО, д.псих.н., проф.

Проблема одинокой старости... Проблема распадающейся семьи... Проблема детского сиротства и беспризорности. Проблема «молодежной культуры», вызывающе непохожей на нашу с вами, привычную... Проблема школы, враждующей с учениками... Проблема оборванных традиций и преемственности... Проблема людской разобщенности, одиночества человека среди людей... Проблема неврозов – этой болезни человеческих отношений...

И сколько еще знакомых каждому из нас имен у нашей общей беды и утраты: мы потеряли полноту человеческой общности, цельности; а значит, и ценность совместной жизни, вне которой невозможно ни полноценное развитие детей, ни чувство собственной, личной полноценности у нас, взрослых. Разрушено то, что связывало людей предыдущих поколений. Надежные уклады общинной жизни в храме, в селе, в сословии. Единство веры, даровавшее ощущение сплоченности довоенным поколениям. И едва ли стоит надеяться, что все это поддается буквальному возрождению, прямому восстановлению, что возможно полное возвращение к прошлому. Это – к сожалению, действительно, прошедшее. А беда настоящего – в том, что на развалинах былых общностей не выросли, а мы не выстроили новые общности, по-новому связывающие людей разных поколений, разных культур, живущих сегодня рядом, но врозь, в одном месте, но не вместе.

Вот примерный, конечно, обобщенный контекст, в котором мы вынуждены сегодня обсуждать проблемы семьи, семейных ценностей в современной России. Понятно, что это далеко не единственный контекст. Семью можно рассматривать как генетическую матрицу существования рода, племени; как ячейку общества; как производственную единицу хозяйства. Несомненно, это все важные вопросы, но для нашей встречи самый существенный, на мой взгляд, контекст – антропологический. Здесь семья – первый и довольно долго главный институт вочеловечивания человека, становления подлинно человеческого в человеке. Именно в этом я вижу важнейший антропологический смысл семейной жизни вообще, а сегодня – в особенности.

Сиротство – антропологическая катастрофа семьи

На мой взгляд, сегодня самая массовая опасность для семьи и детства в целом – это **сиротство**. Замечу, не просто потеря кровнородственных связей в катастрофических событиях, которая не различает детей и взрослых, порождая их физическую разобщенность. Такое – физическое сиротство – объективно, понятно – как факт жизни, с которым необходимо считаться, хотя очень часто не понятно – как жить с этим фактом и взрослым и детям.

Однако важнее рассмотреть **взаимное сиротство детей и взрослых** в их обыденных, не катастрофических обстоятельствах жизни. **Сиротство** каждого из них в этом мире – друг без друга и без Бога. В таком сиротстве – тотальный разрыв и взаимное отчуждение уже при жизни. Оказывается можно быть сиротой уже в семье, не только в распадающейся, но и внешне благополучной и даже не конфликтной. Такое сиротство – это одиночество, космическое одиночество, это – когда с тебя сняли скафандр и предложили дышать полной грудью. Не случайно в народе живут такие поговорки: *страшнее нету одиночества, чем одиночество в толпе; нет у одиночества – ни имени, ни отчества*.

Сегодня стала расхожей и обыденной лукавая формула – **«социальное сиротство»** детей. Почему лукавая? Изначально феномен сиротства был обозначением потери кровных близких родственников. Я еще застал то время, когда в моем детском доме были дети-сироты, потерявшие близких на войне. И это, как не парадоксально, было нормально. Да, ты остался в этом мире без родных, но ты – **не остался один**. Вот рядом с тобой сверстники, вот – доброжелательные, заботливые взрослые; ты – сирота, но ты не потерялся, поскольку находишься во взаимных отношениях с окружающими. Во времена моего детства не было словосочетания «социальные сироты».

Когда же оно появилось? Тогда, когда появились **брошенные дети при живых родителях**, во времена относительного благосостояния – нет голода и холода, нет бездомности и безденежья, а сироты – есть. И что интересно: про родителей, вообще про взрослых, в таких случаях практически ничего не говорилось и не говорится до сих пор. Речь шла только о детях, которые остались **без попечения взрослых**. Ну, вроде **бы все понятно** – так уж сложились непреодолимые социальные обстоятельства – и *никто как бы ни в чем и не виноват*. Вот отсюда – социальное сиротство. Поэтому и проблему эту предпочитают решать *социальными средствами, в беседе*: приюты, патронажные, гостевые, приемные семьи и т.п.

Опять вернусь к своему прошлому: когда у нас в детском доме появились воспитанники, у которых были живые родители, то никакие социальные (т.е. внешние, формальные, административные и т.п.) условия обустройства их жизни *не имели никакого воспитательного значения*. Ребенок всегда говорил: «У меня есть родители, я их люблю, я вырасту – и встречусь с ними». Хотя всем было известно (и ему самому!), что мать лишена родительских прав, отец – в тюрьме, а бабушка при смерти. Социальная ситуация понятна, но по-человечески, для самого ребенка, это не имело никакого значения.

Таким образом, понятие «социальное сиротство» означает **полную безответственность** взрослого мира перед детьми, оказавшимися в трудных жизненных обстоятель-

ствах. Они – взрослые просто не знали и не знают, как быть с такими детьми – сиротами! Конечно, проще и легче поменять – **не понять**, а именно поменять – эти трудные обстоятельства на другие, более легкие, как правило, легкими для нас – взрослых. Например, значительно проще и дешевле забрать детей из малообеспеченных семей, нежели помочь этим семьям, а тем самым – и не превратить этих детей в «социальных сирот».

Зачем далеко ходить за примерами! В настоящее время Государственная Дума РФ рассматривает законопроект «О социальном обслуживании населения в Российской Федерации», который устанавливает чиновничий контроль над каждой семьей – социальный патронат (в законопроекте он именуется «социальным сопровождением»). Узаконивается система административного вмешательства в частную жизнь семей, то есть возможность отбирать детей по усмотрению чиновников – лишь на основании бедности семьи и плохих бытовых условий. Законопроект позволяет прийти в любую семью без какого-либо повода или сигнала, проводить там проверки, в то время, когда родители ещё ничего не совершили. Принятие законопроекта в таком виде означает введение в России ювенальной системы западного образца, против которой давно уже выступает и родительская, и педагогическая общественность.

Почему я в такой ситуации ставлю столь серьезно вопрос о безответственности или ответственности взрослого мира? Потому что в слове ответственность главный корень – **ответ**, который возможен только тогда, когда для нас существует **Вопрошающий**. В мире есть две инстанции, перед которыми мы держим ответ: перед Богом и перед людьми, перед **Высшим и ближним**. В безбожном мире нет ни того, ни другого, отсюда – безответственность. Это – первый акцент в нашей проблеме: **«опасность семье и детству – это безответственность взрослого мира, для которого нет ни Высшего, ни ближнего»**.

Сюда же, помимо лукавой формулы «социальное сиротство», я бы добавил еще столь же любимое педагогическому сознанию лукавое понятие **«социализация»** – едва ли не главное предназначение педагогической деятельности: детей надо социализировать, иначе – они дикие. У меня дома без всяких моих педагогических хлопот собаки и кошки спокойно социализируются: команды мои понимают и слушаются. Получается, что и для своих детей (родных, приемных, воспитанников) мы хотим примерно того же: чтобы правильно понимали наши команды и слушались; тогда про них можно сказать, что они хорошо воспитаны.

Я сейчас специально огрубляю смысл педагогической работы, чтобы ввести еще одно представление, связанное с безопасностью семьи и детства: понятие – **«педагогическое сиротство»**. Такое сиротство возникает уже не только в связи с тотальной безответственностью взрослого мира, **а по прямой вине конкретных воспитывающих взрослых**. И не только родственников, а всяких взрослых. И это – второй акцент: **«опасность семье и детству – это педагогическая запущенность детей»**. В советские времена, кстати, такое положение детей являлось, по сути, юридическим понятием – и предполагало, по крайней мере, административные последствия для воспитывающих взрослых.

Со-бытийная общность – пространство развития

Человек при рождении попадает в уже обжитой, опознанный мир. Человек зарождается, рождается и живет в системе реальных, живых, хотя и разнородных связей с другими людьми, в их Встрече: первоначально с родителями, затем – с близкими, впоследствии и с дальними. Усиливая эту мысль, можно вообще сказать: нигде и никогда мы не увидим человека до и вне его связей с другими. Он всегда существует и развивается в общности и через общность.

Живая общность, сплетение и взаимосвязь жизней участников Встречи указывает на то, что один человек для другого не просто одно из условий их совместного (в одном месте) жительства наряду со многими другими условиями. Такая общность есть фундаментальное онтологическое основание самой возможности возникновения собственно человеческого в человеке, основание его нормального развития и полноценной жизни. По сути, такая общность должна быть принципиально со-бытийной в силу того, что ее участники «неслиянны-нераздельны»: неслиянны – в своей предельной индивидуальности каждого, нераздельны – в своем предельном духовном единстве. В со-бытийной Встрече люди обеспечивают, и фактически – гарантируют презумпцию человечности друг другу; право и возможность стоять на человеческом пути развития, по мере взросления становиться действительным Другом другому человеку, становиться вполне распорядителем и автором собственного развития. Или, говоря словами Г. Гессе, наряду с внешней судьбой обрести судьбу внутреннюю, сущностную, не случайную.

Чтобы обеспечить ребенку здоровую и духовно полноценную жизнь, необходим взрослый человек. *Потому что взрослые без детей – существа бессмысленные, а дети без взрослых – существа невозможные, они не могут быть – по определению.*

Взросление – дело трудное и даже болезненное. Если воспрепятствовать развитию человеческих способностей, ребенок может превратиться в карикатуру на человека или чудовище. К сожалению, иногда случается и такое. Если детскую душу ранить или оставить в запустении, или воспользоваться его неискушенностью и вовлечь в пагубу, ребенок заболевает. В известных с детства сказках (будто написанных на злобу дня сегодняшнего) это называется колдовством. Как тут не вспомнить Иванушку, который послушался сестрицу и напился из болота; героя сказки Г. Х. Андерсена – Кая, которому в глаз попал осколок разбитого дьявольского зеркала, и сердце его оледенело; братьев, превращенных в диких птиц. Метафоричность потери человеческого облика будто списана с реалий дня сегодняшнего – с уже привычными нарицательными обобщениями: наркоманы, ущербные, «отморозки». На некоторых детей тень «колдовства» падает с рождением. О них мы говорим «дети с особенностями развития».

Чтобы расколдовать ребенка, помочь ему обрести дух полноценной человеческой жизни, необходим близкий – Другой – человек. Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» писал: ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее воспоминание, вынесенное еще из детства, из родительского дома. Если набрать несколько таких добрых воспоминаний, то и спасен человек на всю жизнь. Но и единственное хорошее воспоминание, оставшись при нас, может послужить нам во спасение. Э. Фромм усиливая эту мысль, утверждает, что родители дают жизнь, но они

же могут ее забрать или сделать невыносимой; родители способны на чудеса любви – и никто не может причинить большего вреда, чем они.

Детству присуще стремление к обретению полноты бытия. Старшие создают особую дружественную среду, в которой младшим легче осваивать и познавать глубины собственного внутреннего мира. Однако в связности ребенка с взрослым (не только с родителем) одновременно таятся и целительные силы, и болезненная опасность. Какие же психологические факторы определяют влияние взрослого на душевное и духовное здоровье ребенка?

В течение длительного периода дошкольного и школьного детства подлинным субъектом развития и образования является **со-бытийная общность** ребенка и **значимого взрослого**. Педагогам и психологам хорошо известно расплывчатое словосочетание: «значимый взрослый». Фактически, это всякий взрослый человек, оказывающий существенное влияние на развитие и образ жизни ребенка: родитель, опекун, учитель, наставник, даже сосед. В основу классификации понятия «значимый взрослый» нужно положить две существенные характеристики, которые наиболее полно раскрывают его статус в жизненном мире конкретного ребенка. Это показатели кровного родства: «родной – чужой» и показатели духовной близости: «близкий – чуждый».

Критерием первой характеристики можно считать принадлежность к единой родовой ветви. Для ребенка это материнская и отцовская родовые ветви. Основа и главный критерий подлинной близости двух людей – устойчивая **духовная связь**. Мера кровного родства ребенка и взрослого изначально задана. Поэтому отношения в детско-взрослой общности эволюционируют по линии духовной близости. Можно выделить две наиболее общие тенденции: атрибутом первой являются взаимное понимание, принятие, доверие; вторая переживается как стойкое взаимное несогласие, разобщение и отчуждение.

Классификация значимых взрослых

Духовная связанность	Кровное родство	
	Родной	Чужой
Близкий	родной и близкий	чужой, но близкий
Чуждый	родной, но чуждый	и чужой, и чуждый

Именно духовная близость ребенка и взрослого гармонизирует личность ребенка, обеспечивает нормальное развитие его самостоятельности; отчуждение искажает и блокирует ее. Если упростить интерпретацию таблицы, можно достаточно уверенно утверждать, что первый ее квадрант (родной и близкий) – это пример нормальной, т.е. с психолого-педагогической точки зрения вполне благополучной полной семьи. Вторым квадрант (чужой, но близкий) – пример также вполне благополучной приемной семьи, хорошего детского дома, хорошего детского сада и школы. Третий квадрант (родной, но чуждый) – это те самые «семьи-поставщики» социальных сирот, источники детской беспризорности. И, наконец, четвертый квадрант (чужой и чуждый) – это, по сути, криминальные детско-взрослые объединения. В последнем случае бывает, на первый

взгляд, более мягкий вариант – чужой и *отчужденный*; но это – не менее болезненная ситуация. Здесь мы сталкиваемся с так называемыми «казенными домами», или с мачехами и отчимами – когда во взаимных отношениях нет «**ничего личного**», ничего близкого, а только чужое, отчужденно-чуждое.

Хотел бы особо отметить, что в так называемых приемных, патронажных, гостевых семьях очень часто кроется опасность деструктивных взаимоотношений взрослых и детей. Нередко взрослые в таких семьях начинают бездумно имитировать поведение кровных родителей. Фальшь подобных имитаций ребенок обнаруживает практически мгновенно, и приемный родитель становится не только чужим, но и не близким, а зачастую – чуждым. А неуклюжие взрослые, оказываясь не способными ни к любви, ни к духовно-душевной близости с приемным ребенком, делают его виновным в этой своей неспособности. Давно из известно, что духовные ценности словесно, в морализаторстве не передаются. Они должны быть вплетены в сеть семейных детско-взрослых отношений. А потому не про детей надо говорить, что они – не такие, а про взрослых, которые часто – никакие.

Специфика духовной близости ребенка и взрослого (в отличие от витальной, эмоциональной, социальной связанности) состоит в очеловечивании (одухотворении) взрослым жизненного мира ребенка. Максимум такого отношения есть любовь взрослого к человеческому в человеке – непосредственно в этом конкретном ребенке; любовь как устремление взрослого навстречу становящемуся индивидуальному духу ребенка. **Такое отношение, по сути, благодатно.** Такая любовь осуществляется через **со-бытие** в духовно-душевной практике воспитания ребенка.

Хорошо бы помнить, что понятие «воспитание» содержит, по крайней мере, два смысла: 1) **вос-**полнение человека до целого (как говорил в свое время герой А. Платонова, «без меня народ не полный»). Ребенок без взрослого и взрослый без ребенка не полны, частичны; 2) **на-питание**; именно здесь возникает духовный вопрос: отдаем ли мы себе отчет, какой пищей напитываем своих детей, своих воспитанников каким образом их питаем.

Я попытался коротко раскрыть внутренний смысл *безопасной, благотворной, со-бытийной встречи взрослых и детей* в совместной жизни и деятельности. Для меня со-бытийная общность – это принцип преодоления ложной альтернативы. Ложная альтернатива – это либо сиротский индивидуализм, либо – принудительный коллективизм. Здесь нужен третий, царский путь, когда достоинства, великие достоинства и одного и другого должны встретиться, должны быть совмещены в едином пространстве, и не разрушать друг друга. И тогда не надо будет выбирать.

Но сегодня безопасность для детей и детства продолжает уменьшаться именно потому, что мы все более ускоряем процесс замещения подлинного – *человеческого* – смысла нашего совместного бытия с детьми «равноправными» – партнерскими, договорными, по сути, отчужденными – отношениями.

Отказываясь от статуса и миссии собственной взрослости как гаранта становления человеческого в наших детях, мы рискуем в ближайшее время породить два мира – мир Детства и мир Взрослости: взаимно разобщенные, отчужденные, а в перспективе – враждебные друг другу. Оба эти мира – вне человеческого и вне человечности. Нам сле-

дует помнить, что **взрослость** – не физиологическая и не паспортная характеристика человека. Всякий человек – взрослый, если он **ответственен** за окружающих: за старых и малых, за слабых и трудных.

В педагогике Семена Афанасьевича Калабалина я выделил бы 2 доминанты: первое – это преобразование (буквально преображение) казенного учреждения для интернирования неблагополучных детей (приюты, колонии, сиротские дома) в действительный Дом (с большой буквы) для совместного осмысленного, насыщенного делами жительства детей и взрослых.

Всякий Дом держится укладом, там где уклад, там – и клад, и лад. Никакое целое – ни дом, ни семья, ни Царство не устоят, если в них раз-лад, если они внутренне расколоты.

Уклад Дома держится Единством, Общностью взрослых и детей: единством духа, смысла, верой и верностью им; общностью дел – совместных, сопряженных, распределенных меж старыми и малыми.

Итак, это первый Постулат педагогики Калабалина: образование человека начинается и пребывает там, где складывается человеческая общность; неслиянно-нераздельная со-бытийная общность. И прежде всего – детско-взрослая иерархически устроенная со-бытийная общность.

Именно с решения этой первой фундаментальной педагогической задачи начинал свое служение Семен Афанасьевич в неблагополучных детских учреждениях. Вслед за А.С. Макаренко он знал (в том числе, и по себе знал), что только на этой основе, на этом фундаменте возможно приступить к решению второй – не менее фундаментальной, сложнейшей педагогической задачи – задачи воспитания подлинно человеческого в человеке. Нужно было и в этом деянии, в деле воспитания (как вос-полнения и как на-питания) человеческого в человеке выявить и утвердить его главный смысл и ориентир. Я считаю, что для Калабалина самое главное, самое существенное в воспитании растущего человека – это его взросление. И это второй Постулат со-бытийной педагогики С.А. Калабалина.

Культура взросления – дело трудное для педагога и даже болезненное для самого растущего человека. Взросление нужно специально обустроить, в истинном смысле – культивировать, в противном случае – инфантилизм и дикость в поведении, социальная инвалидность и душевная опустошенность. Для малых детей – это подражание совершенным образцам взрослого поведения; для подростков – опыт самостоятельности; для молодых и юных – самостоятельность. Говоря словами А.С. Пушкина, в самостояньи человека – залог величия его.

Что есть взрослость? – это не паспорт и это не физиология; это первым и главным образом, полнота ответственности, ответственность за все, что вокруг меня и во мне самом. В укладном, со-бытийном Доме – это ответственность за старых и малых. Ответственность – это всегда ответ Вопрошающему; мы знаем две предельные инстанции, перед которыми держим ответ – перед Богом и людьми, перед Высшим и ближним.

Вот в таком со-бытийном пространстве воспитания, в пространстве взросления нам посчастливилось возрасть в свою, Богом данную нам меру. Именно в таком про-

странстве, которое было сотворено со-бытийной педагогикой С.А. Калабалина в Клеменовском детском доме.

Понятно, что так понятое воспитание – это не социальная дрессура по формированию полезных социальных качеств, причем – мыслимых и не мыслимых, и сразу всех, и по отдельности. Именно из такого понимания воспитания (как натаскивания и дрессуры) выдумывается бессмысленное множество его направлений: интеллектуальное, морально-нравственное, художественное, физическое и несть числа этим воспитаниям.

Следует заметить, что обозначенный комплекс идей в разной степени подробности уже рассматривался и воплощался в педагогике Ушинского, Макаренко, Рачинского, в том числе – и в со-бытийной педагогике Калабалина. Однако психолого-педагогическая наука, ориентированная на образование человека еще только-только подступает к теоретико-концептуальному оформлению этих идей. Общим названием такого концептуального подхода может быть – системная антропология, которая призвана в целом удерживать процесс становления «собственно человеческого в человеке».

Для построения системной антропологии должен сложиться умный, терпеливый и доброжелательный союз научной психологии, педагогики и православного богословия. Принципиально необходима гармонизация (а не бесплодный параллелизм или разрушительные несогласия) систем знаний о человеке. Союз **христианской антропологии** – как учения о происхождении, назначении и абсолютных смыслах жизни человека; **психологической антропологии** – как учения о закономерностях становления «собственно человеческого в человеке» в интервале его индивидуальной жизни; и **педагогической антропологии** – как учения о путях становления базовых способностей, сущностных сил человека в универсуме образования. Кстати, нелишне будет напомнить, что в переводе с древне латинского одно из значений слова «гармония» – означает согласие принципиально разногласного.

Именно в свете такого – согласованного и целостного знания о высшем назначении и призвании человека, знания о закономерностях и путях становления «собственно человеческого» возможно обустроить пространство современного отечественного образования, как наиболее естественное и адекватное место Встречи личности и общества, место плодотворного полилога православия, психологии и со-бытийной педагогики.